

КОМИТЕТ

ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3
283-3a

283-3a

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Что такое социализм?	5
<i>Фр. Энгельс.</i> —О захвате власти «Исполн. Ком-том Народной Воли».	21
<i>П. А. Берлин.</i> —Плеханов-западник	28
—	
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Г. В. Плеханов в „Земле и Воле“	44
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Мои встречи с В. И. Засулич	68
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Страница из воспоминаний о В. И. Засулич	82
<i>М. Каменская.</i> —Жизнь Г. В. Плеханова в конце 80-х г.г.	88
<i>Л. Дейч.</i> —Я. В. Стефанович среди народовольцев.	96
<i>Л. М. Л.</i> —В. Н. Игнатов	122
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из карийских тетрадей: III. Печальная весть с родины. IV. Аня.	129

ПИСЬМА:

<i>П. Б. Аксельрод.</i> —Товарищам в Швейцарию	139
<i>„Исп. Комитет“.</i> —К заграничным товарищам	143
<i>С. Кравчинский.</i> —К членам „Исп. Ком-та Нар. Воли“.	152
<i>Л. Дейч.</i> —К товарищам в Россию.	154
<i>С. Кравчинский.</i> —К Л. Г. Дейчу.	157
<i>Л. Дейч и Я. Стефанович.</i> —Переписка.	161
<i>А. И. Зунделевич.</i> —К Л. Г. Дейчу.	197
<i>Г. В. Плеханов.</i> —К В. И. Засулич.	227
<i>В. И. Засулич.</i> —К С. Кравчинскому-Степняку	243
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Переписка с иностранными товарищами	245

<i>Л. Дейч.</i> —Основательно ли нападение?	260
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Русская революционная эмиграция	278
Показания „знатных путешественников“	293
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Наши встречи со „знатными путешественниками“.	298
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Новая драма в Сибири	304

	<i>Стр.</i>
Агентурные сообщения о Розалии Боград	307
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Охота за Г. В. Плехановым	309
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Недоумение по поводу П. П. С.	312
Материалы из архива Горн. Института о студ. Плеханове	314
Революционное движение в освещении жандармов	316
Агентурные сведения о деятельности русск. эмигр. в начале 80-х гг.	336
Протокол допроса Н. И. Кулябко-Корецкого	338
<i>Л. Дейч.</i> Вместо библиографии (Ориг. юбил. произв.)	340
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Памяти Делина (речь на могиле)	371
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Предсмертное письмо	373
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Н. И. Кулябко-Корецкий (некролог)	377
В редакционном портфеле	382
Алфавитный указатель имен	387
В тексте фотографии: Я. В. Стефанович	97
В. Н. Игнатов	123
И. Н. Игнатов	123
Я. В. Стефанович в год смерти	374
Факсимиле предсмертного письма Я. В. Стефановича	375

ИЗДАНИЕ

Из фондов Российской Национальной библиотеки

Я. В. СТЕФАНОВИЧ СРЕДИ НАРО- ДОВОЛЬЦЕВ

(воспоминания)

I.

Незадолго до 1 марта 1881 года Яков Васильевич Стефанович, живя вместе со мною в Женеве, выпустил брошюру под заглавием «Злоба дня», или «Дружее послание», в которой он в товарищеском тоне указывал на некоторые промахи и ошибки господствовавшей тогда у нас партии «Народная Воля». Когда Степняк-Кравчинский прочел ее, он, помню, при встрече спросил меня:

— Разве Дмитро ¹⁾ решил вернуться в Россию?

— Из чего ты это заключил? — в свою очередь спросил я, изумившись его догадливости, так как мы со Стефановичем действительно решили возвратиться в Россию с тем, чтобы примкнуть к «Народной Воле».

— Потому, что только при таком намерении, — ответил он, — Дмитро мог бы опубликовать такую брошюру как ввиду ее содержания, так и ее тона.

Я подтвердил его предположение.

С тех пор прошло более сорока лет, и брошюру «Дружее послание» нигде нельзя теперь достать, почему я лишен возможности цитатами из нее показать, что еще перед возвращением на родину и, следовательно, до присоединения к «Народной Воле», Стефанович, как и я, не только не скрыл, но, наоборот, заранее печатно сообщил о неко-

¹⁾ Такова была революционная кличка Стефановича.

торых своих разногласиях с действовавшей в России партией.

Напомню здесь, в общих чертах, об условиях, при которых произошло его присоединение к «Народной Воле».

Как известно, за год с чем-то до описываемого мною здесь времени Стефанович вместе со мною, В. И. Засулич и Г. В. Плехановым эмигрировал за границу в качестве «чернопередельца», следовательно, противника партии «Народная Воля» — ее программы и практической деятельности. Но жизнь в эмиграции, знакомство с западно-европейскими политическими условиями и тамошней социалистической литературой убедили всех нас — одних раньше, других позже — в том, что задачи и стремления наших политических противников вовсе уже не так ошибочны и вредны для судеб нашей родины, как мы думали при отъезде из России. Не переставая считать некоторые тактические приемы и практические планы народо-вольцев ошибочными, не-правильными, мы, тем не менее,

Я. В. Стефанович в юности
(в 1878 г.)

стали признавать политическую свободу, к завоеванию которой стремилась эта партия, не только не вредной, но, наоборот, настоятельно необходимой для дальнейшего развития нашей страны.

Пришедши к такому заключению, Стефанович и я решили на известных условиях, т.-е. сообщая с другими единомышленниками, присоединиться к «Народной Воле». И мы стали склонять своих товарищей-чернопередельцев сделать это совместно с нами. Ту же цель преследовала и выпущенная им, — конечно, с моего ведома и согласия, — упомянутая брошюра

«Дружеское послание». Насколько могу теперь припомнить, в ней ясно указывались пункты нашего согласия и несогласия с народовольцами, а именно — необходимость вести более широкую пропаганду среди трудящихся масс, издавать для этого популярную литературу, а также журнал за границей и пр.

Правильно поняли эту брошюру не только С. М. Кравчинский, но также и действовавшие в России члены «Народной Воли»: Софья Перовская, с которой мы переписывались, по прочтении названной брошюры, пересланной нами народо-вольцам, немедленно после ее выхода в свет, помню, написала, — конечно, с ведома Желябова и др.: — «чем указывать на наши ошибки из прекрасного далека, приезжайте лучше сюда скорее работать вместе с нами». Ручаюсь, понятно, только за смысл ее письма.

Мы решили, что, в виду отсутствия средств для двоих, вернется на родину сперва один лишь Стефанович. Затем, чтобы склонить к присоединению и некоторых из заграничных наших товарищей, Стефанович, вскоре после убийства Александра II, отправился из Женевы в Париж для переговоров с проживавшими в то время там эмигрантами. И, действительно, некоторые из них — Лев Бух, Преферанский, Луцкий, Битмит, д-р Россель-Судзиловский и другие — выразили готовность вернуться в Россию, чтобы работать с народо-вольцами, если они будут снабжены необходимыми для этого средствами, документами и пр. Стефанович вел также там переговоры с Г. В. Плехановым и П. Л. Лавровым, убеждая их дать принципиальное согласие участвовать в литературных изданиях народо-вольцев на тот случай, если последние обратятся к ним с таким предложением; как я выше упомянул, он уже тогда задумал основать за границей журнал, что, как известно, два года спустя осуществилось.

Главным образом эти переговоры задержали возвращение Стефановича на несколько месяцев. При этом мы с ним условились, что я последую за ним после того, как он, осмотревшись в России, позовет меня туда и пришлет все для этого необходимое.

Что Стефанович и я без всяких задних целей решили соединиться с народо-вольцами, доказательством этому мо-

жет отчасти служить еще и следующее свидетельство Г. В. Плеханова.

После свидания с нами в Женеве, по приезде туда из Парижа, он сообщил Лаврову о впечатлении в письме к нему от 31 октября 1881 г. в таких выражениях: «Настроение моих женевских товарищей, — писал он там, — не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано словами: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуюсь сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто недавно еще был принципиальным противником последней»¹⁾.

Таково вполне объективное свидетельство человека, бывшего в то время еще ярким *противником* нашего со Стефановичем намерения соединиться с «Народной Волей». Нам много и долго пришлось тогда спорить с Плехановым, чтобы склонить его к совместной с народовольцами литературной деятельности. Может ли после этого остаться у здравомыслящего и беспристрастного читателя сомнение в том, что мы действовали без всяких скрытых намерений.

В мою задачу не входит дать в настоящем небольшом очерке исчерпывающее изложение всей деятельности моего покойного друга среди народовольцев. Я ограничусь здесь лишь кратким перечнем некоторых, наиболее существенных, попыток и предприятий, в которых Стефанович принял активное участие или явился их инициатором.

* * *

Ввиду нашего желания, как я уже упомянул, чтобы и другие, недавние противники террористов, стали работать с последними, Стефанович, по возвращении в Россию, попытался привлечь к ним уцелевшие там остатки «Черного Передела» и, вообще, так называемых «старых народников». Однако, большого успеха на этом поприще он не имел: лишь немногие из прежних наших единомышленников изменили свои взгляды насчет политической борьбы и террора, и только А. Буланов с женой Ольгой Трубниковой вошли в «Народную Волю»²⁾.

¹⁾ См. «Письма Плеханова к Лаврову», журн. «Дела и Дни», № 2, а также мою брошюру «Г. В. Плеханов», стр. 88.

²⁾ См. ее воспоминаний в № 1 нашего Сборника.

Присоединился Стефанович к «Народной Воле», когда эта тайная организация в сильной степени уже поредела вследствие произошедших многочисленных арестов в связи с делом 1 марта 1881 года. Поэтому необходимо было как можно скорее усилить приток новых членов. Еще будучи за границей, Стефанович находил и, — если память мне не изменяет, — также указал в брошюре «Дружее послание» в числе промахов народовольцев на ошибочность ограничения ими своей практической деятельности, главным образом, одними лишь террористическими актами, — в сущности одним только царубийством. Между тем, по правильному его тогда взгляду, такое суживание их деятельности влекло к полной замкнутости, к чрезмерной изолированности, а, следовательно, неизбежно к ограничению притока новых участников для революционной борьбы: ведь понятно, что только немногие, лишь «избранные натуры» были способны посвятить себя непосредственной террористической деятельности, да и из таких «белых воронов» далеко не все имели возможность попасть в замкнутый круг, в «святая-святыя» — в таинственный «Исполнительный Комитет» партии «Народной Воли», нагонявший в те годы невероятный страх на царя и его ставленников ¹⁾.

Ограничение террористами своих задач, — доказывали мы со Стефановичем, — приводит их не только к узкому сектантству, в котором нет места обширному кругу революционно настроенных людей, но неизбежно влечет их к краху, к *полной гибели их организации*, так как правительство, располагающее всевозможными средствами, сосредоточит все свое внимание на борьбе с ними и, в конце концов, одержит над ними верх, т.-е. переловит всех активных членов этой, в действительности очень малочисленной, организации. Как известно, впоследствии вполне оправдались наши предсказания.

Во избежание такого печального финала Стефанович, очутившись среди народовольцев, настаивал на необходимости привлекать к посильной революционной деятельности

¹⁾ Так, Санковский мне рассказывал на Каре, что решивши совершить какой-нибудь террористический акт и приехав с этой целью в Петербург, он не мог никак, несмотря на все усилия, добраться до настоящего террориста. (О нем см. в моей книге «16 лет в Сибири».)

самых разнообразных лиц, обладавших знаниями и способностями, но остававшихся тогда вне политической борьбы лишь вследствие указанной ограниченности задач, которые преследовали народovolьцы. Для этого он предлагал им целый ряд предприятий, в которых могли бы участвовать лица, не только неспособные к террористической деятельности, но даже и такие, которые не вполне разделяли их теоретические взгляды и тактические приемы: по его мнению, необходимо было привлекать каждого, готового тем или иным способом содействовать завоеванию политической свободы, в ту или другую уже существующую специальную группу, организацию или во вновь создаваемую, соответственную данным задачам. Поэтому, наряду с такой страшной организацией, как «Исп. Ком.», могли бы существовать и столь невинные, как «Красный Крест», помогающий ссыльным и заключенным.

Одним из наиболее целесообразных средств для сближения воедино разнообразных, но оппозиционно по отношению к царскому правительству настроенных лиц, мы со Стефановичем считали создание за границей большого журнала, в котором приняли бы участие эмигранты различных толков, начиная со старого пропагандиста П. Л. Лаврова, террориста-бакуниста С. Кравчинского (Степняка) и кончая марксистами — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и Засулич.

Таким образом, как видим, инициатива создания за границей народovolьческого журнала, действительно появившегося спустя два с чем-то года после начатой Стефановичем в России агитации под названием «Вестник Народной Воли», — принадлежит целиком ему. Уже в одном этом большая его заслуга, так как факт выхода этого журнала в течение нескольких лет — до ренегатства Тихомирова — имел некоторое значение в смысле группирования остатков этой партии вокруг этого журнала и привлечения новых адептов после полного почти ее разгрома, последовавшего за предательством С. Дегаева. За эту услугу, как и за многие другие, оказанные Стефановичем «Народной Воле» в течение короткого периода его нахождения в ее среде, некоторые старые члены этой организации заплатили ему черной неблагодарностью, оклеветав его после смерти, но об этом — ниже.

Стефановичу же принадлежит инициатива создания заграничного отделения «Красного Креста Народной Воли», для чего, по его совету, была приглашена В. И. Засулич, очень много сделавшая не только в материальном отношении, в смысле собирания довольно значительных денежных средств, но и в особенности для ознакомления широких слоев западно-европейского населения с жестокими преследованиями русских революционеров царским правительством, что, без сомнения, привлекало симпатии иностранцев на сторону русских борцов. Обо всем этом ничего не знают или забыли теперешние злостные обвинители Стефановича, извергающие всякую хулу на его память.

Не буду останавливаться на всех предложениях и проектах Стефановича, клонившихся к указанной выше цели — привлечь всех хоть сколько-нибудь подходящих, способных эмигрантов к разностороннему, посильному содействию народовольцам в их борьбе: это потребовало бы слишком много места, к тому же из печатаемых в наших Сборниках переписка станет ясной роль Стефановича. Сообщу здесь только еще об одном чрезвычайно важном и интересном его начинании, остающемся до сих пор почти совершенно неизвестным. Но предварительно сделаю следующее отступление.

Весной 1918 года Н. Тютчев однажды, при встрече со мною в одном доме, сообщил мне, что им сдана в редакцию «Былого» статья, в которой он, между прочим, касается моего покойного друга Я. Стефановича, и что мне она, может быть, не понравится. В завязавшемся у нас по этому поводу разговоре я спросил его, слышал ли он что-нибудь про агитацию Стефановича среди сектантов? Он ответил, что *решительно ничего об этом не слышал* до сего момента, и в ответ на его вопрос, в чем состояла эта агитация, я сказал, что Стефанович стремился создать среди сектантов тайное общество, что этим делом чрезвычайно заинтересовались Плева и гр. Игнатьев, чем и объясняется долгое его пребывание в «здании у Цепного моста». При этом я добавил, что современем сообщу об этом подробно в печати.

Каково же было мое изумление и вместе возмущение, когда в появившейся вслед за этой нашей беседой заматке Н. Тютчева в «Былом» я прочел в выноске: «Перед арестом

Стефанович хотел повторить свой чигиринский опыт с подложными манифестами, имея в виду раскольников. Некоторые практические шаги в этом отношении были уже им приняты. Этим проектом высшие сферы очень заинтересовались, а в частности мин. вн. дел гр. Игнатьев и Плева. Мы передадим впоследствии подробности этого эпизода, еще совершенно не исследованного в печати. Н. Т.». (См. «Былое» № 10—11, стр. 214. Курсив мой. Л. Д.).

Читая эти, несомненно уже после беседы со мною вставленные в данную в редакцию рукопись, строки, являющиеся более чем плагиатом, я был поражен «смелостью» этого «исследователя»: не говоря уже про допущенное им полное извращение моего ему сообщения, он к тому же решился обещать «впоследствии передать подробности этого еще совершенно не исследованного эпизода», хорошо зная, что он абсолютно ничего больше, помимо меня, сказать не может: он умер спустя шесть лет, наклеветав еще на покойного моего друга и, конечно, не исполнив данного обещания. Но оставим этого фальсификатора: я при жизни его считал унизительным для себя и Стефановича вступать с ним в полемику, тем более считаю ее неподходящей после его смерти.

Сообщу здесь, что удержалось в моей памяти о задуманной Стефановичем организации среди сектантов.

II.

Месяца через два-три по приезде в Россию, Стефанович в письме, отправленном мне с оказией, сообщил, что у него имеются связи с сектантами, среди которых заметны брожение и под'ем, особенно усилившиеся после дела 1 марта. Этим их настроением, — сообщил он, — по мнению тогдашнего главаря партии «Тигрича» (Л. Тихомирова) и остальных членов «Исп. Ком.», необходимо было воспользоваться в наших интересах. Но, по признанию самих же народovolьцев, среди них не было никого, кто мог бы взяться за агитацию среди религиозных сектантов. Самым подходящим для этого человеком они считали его, Стефановича, и настоятельно просили его не отказываться от этого дела. Он согласился. Познакомившись с сектантами, Стефанович

убедился, что при некоторых условиях можно было создать среди них довольно обширное тайное революционное общество. Поспособствовать этому, — писал он мне, — могли и мы, его заграничные товарищи, не вполне еще тогда порвавшие с чернопередельцами, — как литературным содействием, так и в техническом отношении. Для первой задачи он приглашал Георгия Валентиновича, для последней — меня и покойного Вас. Ник. Игнатов, тогда лечившегося за границей: к нам Стефанович обращался с просьбой заказать в какой-нибудь западно-европейской словолитне древне-славянский шрифт, так как, — писал он, — по словам наиболее развитых и расположенных к народовольцам раскольников, с которыми он сносится, революционные произведения, напечатанные таким шрифтом, будут охотнее читаться еще совсем нетронутыми агитацией массами их единомышленников, предубежденных против гражданской печати. Тогда дело создания внутри сектантов революционных кадров пойдет значительно быстрее. С этими доводами вполне согласился Стефанович. Ни о каком повторении «чигиринского опыта с подложными манифестами» от царя нам, ближайшим товарищам и друзьям, Стефанович не упоминал, да он и не мог этого затевать по той уже причине, что такой «опыт» среди сектантов являлся бы абсурдом, нелепостью, так как известно, что многие из них относились к царю отрицательно, враждебно, и убийство его революционерами они приветствовали, доказательством чему могло служить начавшееся среди них после этого брожение.

Как известно, стремление вызвать революционное настроение среди многомиллионной массы числящихся в России сектантов давно существовало у некоторых участников движения 70-х годов, с самых первых лет нашей деятельности, и в этом направлении предпринимались кое-какие попытки, оставшиеся, однако, совершенно безрезультатными. Укажу здесь на агитацию среди них С. Кравчинского, Рогачева, А. Михайлова, Ив. Ковальского, Ив. Дребязгина, Ив. Фесенко; я тоже, как известно, пытался распространять среди них листовки (1). Тем не менее, ввиду многочисленности у нас сектантов, а также их недовольства

1) См. мою брош. «Хождение в народ».

господствовавшими в России порядками, страшными стеснениями их в исповедывании ими религиозных их учений и пр., — в нашей среде продолжали считать полезным привлечение их на нашу сторону.

Поэтому, сообщение Стефановича, что сектанты после царевубийства также, наконец, встряхнулись, и что среди них явились сторонники революционной борьбы, не могло не обрадовать наш тесный кружок заграничных его товарищей.

Я ответил ему о полной нашей готовности помочь ему в осуществлении его намерений, чем только мы будем в состоянии, чего, конечно, не могло бы быть, задайся Стефанович целью «повторить свой чигиринский опыт», так как известно, что Г. В. Плеханов всегда являлся противником всяких мистификаций.

Вместе с письмом Стефанович прислал мне также проекты им же написанных к сектантам воззваний или прокламаций, — в точности не помню, — в которых никто из нас не нашел ничего предосудительного, а тем более напоминающего подложный чигиринский манифест.

Чтобы познакомить В. Н. Игнатова с предложением Стефановича и привлечь его к участию в его выполнении я, ввиду его болезни, отправился к нему на юг Франции (в Ментону на Ривьере). Узнав в чем дело, Игнатов без малейших колебаний, немедленно и очень охотно согласился взять на себя все издержки по заказу за границей славянского шрифта, а также по оплате стоимости доставки его, — конечно контрабандным путем, — в Москву.

Дело в том, что из бывших чернопередельцев, очутившихся за границей, В. Н. Игнатов более всех нас, кажется, относился отрицательно к партии «Народной Воли» как ввиду того, что она почти ничего не делала среди крэггян, так и за некоторые «нечаевские» ее приемы. Между тем он, как бывший земледелец и чернопеределец, тогда оставался еще верным народническим взглядам и стремлениям, даже отчасти еще два года спустя, когда, став марксистами и разошедшись с народовольцами (осенью 1883 г.), мы, как известно, обща с ним образовали группу «Освобождение Труда»¹⁾.

¹⁾ См. мои о нем воспоминания в «Прол. Рев.», № 9 (21), 1923 г

Неудивительно поэтому, что в намерении Стефановича начать действовать среди сектантов, следовательно среди трудящегося населения, «на почве их нужд и потребностей» (т.-е. на почве их стремления освободиться от правительственных преследований), Игнатов увидел напоминание о столь дорогой ему «народнической программе».

Поэтому В. Н. Игнатов охотно согласился помочь материально предприятию Стефановича, так как он располагал некоторыми денежными источниками.

По возвращении от него обратно в Швейцарию, я стал наводить справки в западно-европейских словолитнях о наиболее выгодных условиях исполнения заказа Стефановича в возможно кратчайший срок.

Но—увь! Пока шли эти наши свидания, предварительные переписки и сношения, из Москвы вдруг (в середине февраля 1882 г.), пришло лаконическое сообщение о «внезапной болезни дяди», т.-е. об аресте Стефановича...

После этого крайне печального для всех нас известия мы, заграничные «старые чернопередельцы», не перестали переписываться с русскими народовольцами по поводу указанных выше завязавшихся у нас с ними общих предприятий, но о доставке славянского шрифта нечего было уже думать, так как с арестом Стефановича исчезла всякая возможность продолжать начатую им среди сектантов агитацию, к тому же вместе с ним и после него потянулся ряд арестов, вскоре затем закончившийся полным разгромом «Народной Воли».

Таким образом, эта попытка, обещавшая дать серьезные результаты, оборвалась на первых же шагах, но для самого Стефановича она имела еще некоторое продолжение. Об этом я узнал уже непосредственно от него самого, — четыре с чем-то года спустя после нашей разлуки в Швейцарии, — при следующих условиях и обстановке.

III.

Чтобы вновь очутиться вместе, — в буквальном смысле «бок о бок», — со Стефановичем, мне, как известно, пришлось совершить длинейшее путешествие под конвоем и по этапам от самой швейцарско-германской границы

(из Фрейбурга-баденского) до Забайкалья, на Кару, на что потребовалось без малого два года.

Попавши там, после продолжительных хлопот, в одну со Стефановичем камеру, мы с ним заняли в ней на нарах два самые крайние места у наружных стен. Это было в январе 1886 года. Ввиду ветхости нашей деревянной тюрьмы, при отчаянных сибирских морозах наш угол промерзал насквозь, так что под и отчасти над нарами, где мы помещались, образовался толстый слой льда, не растаивавший до теплых весенних дней, очень поздно там наступавших.

Все же мы со Стефановичем — да и многие говарищи — находили наш угол «очень уютным», почему кто-то из них наименовал его «швейцарским шалом», — в память нашего долгого пребывания в Швейцарии.

Угол этот мы отделяли «петрушкой», т.-е. на ночь отгораживали свои два места от соседних небольшой занавеской, сделанной из казенных рубах, чтобы таким образом чувствовать себя хотя бы несколько изолированными от лежавших рядом с нами на нарах товарищей.

При этой-то температуре, временами чуть не полярного круга, мы, придвигаясь по вечерам почти вплотную друг к другу и накрывшись всем чем могли, вели иногда далеко за полночь свои беседы шопотом, чтобы не мешать другим спать или заниматься за общим столом, стоявшим посередине камеры.

Мы, конечно, делились нашими переживаниями в годы разлуки, и для меня, как, несомненно, и для моего друга, эти вечера были наилучшим периодом в течение продолжительного совместного нашего пребывания в карийской каторжной тюрьме. Под влиянием рассказа другого, каждый из нас невольно переносился в иной мир, казавшийся столь далеким от нас и столь отличным от окружавшей нас тяжелой действительности с ее лишениями и невзгодами, что с трудом верилось в его реальность, в то, что и мы когда-то в нем жили. Временами я испытывал необыкновенный подъем, прилив бодрости и энергии. Все тяжелые, отрицательные стороны незавидной действительности отходили куда-то прочь, а далекое, невозвратное прошлое столь интенсивно чувствовалось, так ярко выступало перед глазами, словно

я внезапно очутился на воле, к тому же в наилучших условиях, где мог вновь жить и действовать сообща с близкими мне людьми. Случалось, понятно, и наоборот, что эти воспоминания вызывали неприятные, тяжелые ощущения.

Как известно, — хотя бы по «профилям» Степняка в «Подпольной России», — Стефанович был человеком замкнутым в себе, мало разговорчивым. Но в указанной мною обстановке, находясь бок о бок со мною в «швейцарском шалэ», он мог часами, почти без перерыва, рассказывать мне со всеми подробностями о своих переживаниях среди народовольцев по возвращении в Россию, а также о своем пребывании в заключении в тюрьмах, на этапах по Сибири и на Каре до моего туда прихода. При этом он был, как всегда, искренен, откровенен, сообщал мне о таких своих ощущениях и мимолетных мыслях, о которых не всякий человек способен признаться даже самому близкому другу.

Здесь замечу к слову, что в противоположность совершенно ложному представлению о Стефановиче, составившемуся у недалеких, непроницательных и близоруких людей, все без исключения хорошо знавшие его лица справедливо находили его в личных отношениях искренним, правдивым, крайне деликатным, мягким и заботливым о других; упомяну только некоторых: П. Б. Аксельрода, М. А. Коленкину, В. И. Засулич, А. Зунделевича, С. М. Кравчинского, Фанни Марковну Степняк, Г. В. Плеханова, В. Н. Игнатова, Р. М. Плеханову и др.

Остановлюсь на наиболее, по моему, интересных и имеющих то или иное общественное значение сообщениях его мне в те холодные зимние вечера первого года прибытия моего на Кару.

Очутившись среди народовольцев, «штаб-квартира» которых — ввиду назначения знаменитого Судейкина из Киева начальником охраны в Петербург — была перенесена в Москву, Стефанович почувствовал себя не совсем так, как среди своих добрых, хороших товарищей. Причиной этого, главным образом, являлся тогдашний «лидер» партии Лев Тихомиров, впоследствии приобретший громкую, хотя и незавидную, известность, благодаря быстрому превращению из беспощадного царевубийцы в яркого защитника самодержавия.

вия. Много пришлось от него вынести и вытерпеть Стефановичу, особенно в первое время, о чем он подробно и чрезвычайно интересно передавал мне устно, а также изложил и в своем «Дневнике карийца», так несправедливо охаянном некоторыми легкомысленными читателями. Ввиду того, что и эта книжка стала теперь библиографической редкостью, я ниже приведу из нее некоторые выдержки. Предварительно, однако, напомним о следующем.

Из «старой гвардии», при вступлении Стефановича в партию «Народной Воли», уцелели лишь немногие; кроме самого «Тигрича», на воле оставались: В. Н. Фигнер, М. Н. Ошанина-Баранникова, А. П. Корба, Ю. Богданович, Грачевский, Сав. Златопольский, Талалов и Халтурин. Все эти лица входили в «Исполнительный Комитет» и из своей среды выбирали еще высшую инстанцию: «Распорядительную Комиссию», в число членов которой, кроме «Тигрича» и Златопольского, избран был вскоре по вступлении в партию также и Стефанович. Но опасаясь, что последний своим влиянием умалит безграничный до того авторитет его, «Тигрич» тотчас же пустил в ход подвохи, нашептыванья и интриги. Не ограничившись этими приемами, он задумал даже создать нечто вроде alliance'a — тайное общество, в вдвойне уже и без того тайной «Комиссии», — чтобы противодействовать будто бы стремлениям Стефановича, подкапывавшим традиции старого народоинства. Но по оплошности самого же Тихомирова в руки Стефановича попало его письмо к Златопольскому, в котором он втягивал последнего в заговор против нового члена «Распорядительной Комиссии». Когда же с этим письмом Тихомирова в руках Стефанович потребовал от него объяснения, он стал нескладно, как напроказивший школьник, оправдываться, уверяя, вопреки уличавшего его письма, что тот неправильно его понял, и в заключение просил забыть это, не сообщать другим членам «Комиссии», обещая впредь вести себя корректно, по-товарищески ¹⁾.

¹⁾ Подробнее об этом см. «Дневник карийца», стр. 60 — 62, Спб. 1906 г. — А. Корба в своем неудачном против меня выступлении сообщает, будто бы со слов М. Ошаниной, что, наоборот, последняя вместе с Тихомировым прочитали забытое Стефановичем письмо ко мне. Это чистейший *ездор*, так как, во-первых, ни Стефанович мне, ни

Разногласия между ними начались с упомянутого уже мною выше предложения Стефановича основать за границей большой журнал. В то время как Стефанович считал нужным придать ему «обще-революционное направление», Тихомиров, наоборот, желал сделать его узко-партийным, народовольческим, в духе его собственных статей, печатавшихся в газете «Народная Воля». Из этого разногласия вытекал и различный взгляд на редакционный состав. Я уже выше перечислил, кого предложил Стефанович в число редакторов, Тихомиров же настаивал на приглашении вконец скомпрометировавшихся за границей руководителей якобинского журнала «Набат» — П. Ткачева и Турского. Но большинство членов «Исполнительного Комитета» согласилось с предложением Стефановича.

Вслед за тем, — рассказывал мне далее Стефанович, и это он повторил потом в своем «Дневнике»: — «не было, кажется, вопроса, по которому мне с ним не приходилось бы расходиться: то он отстаивал уже напечатанное воззвание к народу, одобрявшее избиение евреев («Добре робите, що жидив бьете») ¹⁾, то он готов был дать санкцию нелепому плану московской или рязанской местной группы ничем не вызванного бесцельного убийства прокурора московской судебной палаты, единственно в революционно-воспитатель-

я ему тогда не писали обыкновенными чернилами, а исключительно химическими, почему, как известно, такого письма нельзя прочесть, не проявивши его предварительно особым составом, чего, понятно, не могли произвести Ошанина и Тихомиров, не зная этого состава, во-вторых, Стефанович в многочисленных письмах того периода, часть которых еще сохранилась и будет современем мною опубликована, содержание которых известно еще находящимся в живых старым товарищам, *всегда* писал мне диаметрально противоположное тому, что приписывает теперь ему А. Корба и, наконец, в-третьих, нужно отличать фальсификаторскими способностями Н. Тютчева, чтобы решиться при жизни Тихомирова, хотя и ставшего ренегатом, опубликовать, — как это сделал Стефанович в «Дневнике», — вышеуказанное воззвание, если бы в действительности было диаметрально противоположное. Корба, очевидно, слышала звон, да не знает откуда он.

¹⁾ Автором этого возмутительного воззвания, вызвавшего тогда взрыв негодования среди революционеров, являлся «отчаянный террорист» Герасим Романенко, ставший затем настоящим антисемитом, во всем «раскалявшимся», припавшим к стопам царя и превратившимся, как и Тихомиров, в ярого монархиста-мракобеса.

ных целях ¹⁾, то он считал нужным присвоить самостоятельное покушение Санковского на Черевина (шефа жандармов и тов. министра вн. д.) и писал прокламацию, где объявлял этот акт делом «Исполн. Ком.», что, по его мнению, должно было служить к вящему престижу «Народной Воли». Тихомиров не останавливался перед тем, чтобы заведомо оклеветать почему-либо неудобного человека. Так, известный Н. Щедрин ²⁾ за свои речи на сходках против программы «Народной Воли» был ославлен агентом III Отделения. А когда в женевском «Вольном Слове» появились статьи против «Исполн. Ком.», Тихомиров предложил напечатать в «Народной Воле», что Драгоманов состоит на жалованьи у департамента государственной полиции (стр. 59—64) ³⁾.

Только благодаря энергичным настояниям Стефановича, все эти и им подобные предложения «Тигрича» проваливались большинством.

Эти постоянные споры и разногласия с лидером, не имевшим конкурента до приезда Стефановича, не могли не расстраивать моего друга, и он был, конечно, прав, когда говорил: «работать под неустанной травлей полиции, при неуверенности просуществовать до завтрашнего дня, — мне не требовалось привыкать, но работать при отсутствии добрых, искренних товарищеских отношений являлось для меня новостью и вовсе не представлялось привлекательным».

¹⁾ Этот-то протест Стефановича против бессмысленного убийства хотя бы прокурора г-жа А. Корба, по обыкновению, смешала в своей против меня заметке с протестом его, будто бы, против плана убийства прокурора Стрельникова, — плана, возникшего уже после ареста Стефановича: плохая память у этой свидетельницы, но большой апломб и самоуверенность.

²⁾ Судился в Киеве в 1881 г. вместе с Е. Н. Ковальской по процессу «Южно-русского раб. союза», был приговорен к бессрочной каторге; по пути на Кару за данную им пощечину чиновн. особ. поруч. при ген.-губерн. был прикован к тачке. С Кары был перевезен в Шлисельб. крепость, где сошел с ума; был переведен в психиатр. больницу в Казань, где скончался.

³⁾ Всех этих фактов Стефанович, повторяю, не мог бы опубликовать при жизни Тихомирова в своем «Дневнике», не имея ни места в указанное им время, — этого, очевидно, по свойству своего ума и характера, не может понять А. Корба и, кажется, также А. Прибылев.

Похоже ли все вышеизложенное на стремление Стефановича «взорвать партию изнутри»? Можно ли поставить ему в вину, что он решительно и открыто выступил против приведенных выше и подобных же предложений тогдашнего «главаря» «Нар. Воли»? Имеется ли хоть малейший факт в деятельности Стефановича среди народовольцев, который мог бы быть поставлен ему в вину?

Что во всех его предложениях и начинаниях им руководили честные, искренние побуждения и интересы партии, к которой он примкнул, лучшим доказательством может служить тот факт, что, несмотря на безграничный авторитет, которым пользовался «Тигрич», тем не менее, Стефановичу путем доводов и убеждений, — а не интриг и напештываний, к чему вечно прибегал «шеф» партии, — удавалось почти всегда склонить на свою сторону большинство членов «Исполн. Ком.». Более того: даже сам Тихомиров, когда ввиду постоянных с ним споров и разногласий Стефанович выразил однажды готовность отправиться заведывать каким-нибудь отдаленным районом, напр., на Кавказ, восстал против этого, так как, мол, «дела и в центре по горло, и все находят его присутствие в Москве нужным».

Тихомиров, а также Марья Николаевна Опанина являлись «строгими хранителями старины», боявшимися, чтобы предложения Стефановича не подкопали народовольческих традиций, но некоторые из остальных членов «Исполн. Ком.» понимали, что необходимо расширить ставшие тесными рамки, как организационных правил, так и тактических приемов. Особенно в этих случаях согласие с ним выражали Ю. Богданович, С. Халтурин, Талалов; поэтому Стефановичу и удавалось осуществить большинство своих проектов.

Его успехами была недовольна и Марья Николаевна, но совсем по другим причинам, чем Тихомиров, руководившийся в своих подвохах против Стефановича исключительно честолюбивыми соображениями. Как ярая «якобинка», — известно, что до вступления в партию «Нар. Воли» она принадлежала к немногочисленной в России и за границей группе «набатовцев», — она, как сама мне это заявила впоследствии, увидела во всех предложениях Стефановича «измельчание, сведение чуть не на благотворительно-куль-

турную работу деятельности партии», еще совсем недавно гремевшей на весь мир своими страшными актами.

«Не того я ожидала от присоединения Дмитра, — признавалась она мне летом 1882 г. в Женеве: — я надеялась, что он явится инициатором и организатором крупных предприятий, а вместо этого он начал хлопотать о «Красном Кресте», о журнале и т. п. мелочах».

Со своей точки зрения она была права: все предложения и предприятия Стефановича, действительно, не могли идти ни в какое сравнение с отчаянными планами царевубийств и заговоров с целью «захвата власти» кучкой террористов. Но, с другой стороны, прав был и Стефанович: он был слишком умным человеком, к тому же обладал огромным практическим чутьем и здравым смыслом, чтобы не понимать, что после понесенных утрат горсточке уцелевших народо-вольцев не только невозможно «захватить власть» в свои руки, но даже продолжать дело Желябова, Перовской, А. Михайлова и других погибших героев. Поэтому он предлагал и сам брался за осуществление того, что действительно было возможно при сложившихся после 1 марта обстоятельствах, и что могло, — как совершенно правильно он рассуждал, — при благоприятном стечении обстоятельств привлечь новый приток сил в эту партию и в «Исп. Ком.».

Поэтому, по его рассказам мне на Каре, он не только придавал большое значение начатому им предприятию среди сектантов, но считал также чрезвычайно важным делом начатую В. Н. Фигнер агитацию среди военных. Между прочим, ему пришлось самому познакомиться в одном из великорусских губернских городов, — не помню теперь в точности, в Туле или в Орле, — с довольно большой военной организацией, в которую входили исключительно офицеры. Лежа в «швейцарском шале», Стефанович подробно передавал мне, как эти офицеры при нем строили планы захвата царя и его близких чуть ли не в самом Гатчинском дворце, где тогда скрывался Александр III. Теперь не помню ни одного из этих планов. Несмотря на присущий Стефановичу скептицизм, он, как сам мне признавался, видя готовность этих офицеров действовать решительно, допускал временами возможность осуществления их отчаянных проектов.

— «Кто его знает! В России все возможно», — говорил он мне. И мы долго спорили об этом шопотом. А в это время кто-нибудь из четырнадцати, кроме нас двоих, помещавшихся в камере товарищей выкрикивал со сна фразу, подтверждавшую или, наоборот, отрицавшую верность того или другого из наших заявлений, или раздавался громкий стон спящего.

Из перечисленных мною выше членов «Исполн. Комитета», которых Стефанович застал по приезде в Россию, он впервые увидел: Ю. Богдановича, Талалова, Халтурина и Грачевского, принятых после нашего отъезда с ним за границу. Первых трех он особенно мне расхваливал.

По его мнению, которое и я разделял, было бы целесообразно, если бы тогда сильно скомпрометированные члены «Исп. Ком.», энергично разыскиваемые полицией, хотя бы на время, отправились за границу как для отдыха и пополнения недочетов в своем образовании, так и для сохранения резерва партии: тогда властям не удалось бы всех до единого могикан переловить. Об этом он говорил и доказывал членам «Исп. Комитета», но никто из них и слышать не хотел о поездках за границу. Только год спустя последовала его совету — и то ввиду болезни — М. Н. Опанина, а за ней, как известно, вскоре приехали в Швейцарию и Тихомиров с женой. Все же остальные, один за другим, были арестованы. Последствия показали, насколько в этом вопросе Стефанович оказался дальновидным: последуй его совету, сохранились бы некоторые крупные лица, и судьба «Нар. Воли» могла бы быть совсем иной. Но возвратимся к сношениям Стефановича с сектантами.

IV.

Связи с ними завязались у народовольцев через какого-то интеллигента, если не ошибаюсь, из семинаристов, фамилии которого в точности не помню, — кажется, здравствующий ныне коммунист Трегубов. Чуть ли не в качестве миссионера или, вообще, человека, изучавшего практически раскол, он в течение многих лет вращался в среде сектантов. Увидев, после дела 1 марта 1881 года, сильное впечатление, произведенное убийством царя на знакомых

ему раскольников, он задался целью свести их с террористами. С ним-то народovolьцы познакомили Стефановича, который через него и завязал связи с сектантами. Среди последних, по его отзыву, были дельные, серьезные и положительные люди, между тем, как известно из его «профиля» в «Подпольной России», Стефанович склонен был скорее к пессимизму, чем к оптимизму.

Еще в качестве «чернопередельцев» мы с ним вовсе не являлись принципиальными противниками царубийства: мы восставали против сосредоточивания всех сил, средств и внимания партии на этой задаче, находя, что исключительная охота на царя или царей, в конце концов, приведет к гибели нашего движения. Мы признавали значение за этим актом при том условии, если бы параллельно с его подготовкой, одновременно велась самая разнообразная агитация среди трудящихся масс населения; в противном случае, — говорили мы, чернопередельцы, — убийство царя будет неправильно истолковано народом и не даст решительно никаких положительных, а одни лишь отрицательные результаты. Последствия показали, что в этом отношении наши соображения оказались правильными: кроме анти-еврейских беспорядков, впервые разразившихся во многих юго-западных губерниях после царубийства, ничего другого в народе не произошло в 1881 и в следующих годах.

Естественно, поэтому, велика была радость Стефановича и его товарищей, когда они узнали, что именно под влиянием акта первого марта зашевелились сектанты.

Теперь из моей головы совершенно улетучилось, имелся ли у Стефановича определенный план организации сектантов, и в чем он состоял. Полагаю, что нет, иначе не могу допустить, чтобы в моей памяти решительно ничего не удержалось из его сообщения об этом. Подобно тому, как это на моих глазах и при моем отчасти содействии происходило у Стефановича во время чигиринской затеи, вероятно, и в данном случае он сперва зондировал почву, шел ощупью, надеясь при более близком ознакомлении с сектантами — с их взглядами, условиями их жизни и пр. — найти соответственный и целесообразный план организации их. Пока же, до получения, как я уже сообщил, из-за границы славянского шрифта, он выпускал воз-

звания, напечатанные в народвольческой типографии обыкновенным шрифтом и, как известно, с пачкой таких прокламаций был задержан 5/17 февраля 1882 года в Москве на квартире А. Буланова.

По глубокому моему убеждению, причиной начавшихся тогда в Москве арестов, повлекших за собою, в конце концов, полный разгром, была большая неосторожность или легкомыслие со стороны некоторых видных террористов, задумавших превратить в заместители арестованного Клеточникова 18-летнего Володю Дегаева ¹⁾.

Здесь я должен коснуться крайне тяжелого обстоятельства — прискорбной роли моего друга Я. Стефановича в аресте Ю. Богдановича, — роли, состоявшей в том, что он невольно подтвердил подозрение Судейкина, уже выследившего «Прозоровского»: под этой фамилией проживал Ю. Богданович в Москве. Подробно об этом ужасно печальном эпизоде давно сообщила В. И. Засулич в своем письме в «Былое» [№ 13], и я поэтому останавливаться на нем не буду.

Я несколько не собираюсь оправдывать Стефановича, да и он сам осуждал себя за этот невольный свой промах значительно строже, чем то делали другие, что известно лишь наиболее близким его друзьям. Это было его несчастьем, а не преступлением. Поэтому, возмутительной клеветой на умершего, лишенного, понятно, возможности опровергнуть взводимые на него обвинения, являются сделанные некоторыми недобросовестными «исследователями старины» относительно моего покойного друга наветы.

Сознательно или бессознательно, но безусловно неверно истолкованы или раздуты и извращены этими обвинителями некоторые неясные для малоосведомленных лиц происшествия и факты из прошлого как самого Я. Стефановича, так и той эпохи. Насколько позволяет место, постараюсь в настоящем очерке, а также ниже в других заметках, сообщить, почему на памяти столь выдающегося революционного деятеля, занимавшего одно из наиболее видных мест в семидесятых годах, повисли гнусные обвинения. Для этого

¹⁾ Об этой рискованной затее, имевшей чрезвычайно печальные последствия, я сообщаю в дополнении к помещенному в настоящем сборнике первому моему письму к Стефановичу.

мне необходимо, хотя бы в самых кратких словах, дополнить характеристику Стефановича, сделанную Степняком в «Подпольной России».

V.

Несмотря на то, что Стефанович, как известно, в течение предшествовавшей описываемому мною времени уже довольно продолжительной революционной деятельности сам затевал, а также принимал близкое участие в чрезвычайно смелых, отважных предприятиях, грозивших ему виселицей, он, однако, при личном знакомстве ни на кого не производил впечатления страшного, отчаянного революционера. Всегда со всеми сдержанный, ровный, спокойный, Стефанович, наоборот, внушал к себе расположение и уважение даже со стороны самых заклятых наших врагов: они высоко ценили его ум, характер и миролюбие в обращении со всеми без исключения людьми. Еще в 1877—78 г.г., находясь вместе с ним в киевском тюремном замке по чигиринекому делу, я изумлялся тому, как решительно все служащие, начиная с надзирателей и кончая прокурорами и жандармами, буквально благоговели перед ним. Напомню о приведенных Степняком в «Подпольной России» случаях, когда смотритель тюрьмы, несмотря на данное им же распоряжение, не решился произвести у Стефановича в камере обыск, а в другой раз он попросил дать ему за подписью Стефановича удостоверение в том, что он, смотритель, хорошо обращается с заключенными, на тот случай, если на него, как на тюремного смотрителя, революционеры задумают напасть. Посмеявшись, Стефанович выдал ему такую «охранную грамоту».

Таково же, приблизительно, отношение к себе он с юных лет внушал решительно всем, с которыми ему приходилось сталкиваться, начиная с крестьян и товарищей и кончая разных рангов должностными лицами. За время нашей с ним многолетней дружбы, несмотря на происходившие вокруг нас всевозможные перипетии, конфликты и столкновения, временами чрезвычайно тяжелые, иногда доводившие самых мирных людей до иступления и бешенства, мне ни разу не пришлось заметить, чтобы Стефанович не только

вышел из себя, но даже повысил голос, не говоря уже о том, чтобы он по чьему-либо адресу произнес сколько-нибудь резкое, оскорбительное слово.

Превосходно знавший его, восхищавшийся его умом и характером С. М. Кравчинский однажды в кругу нескольких близких товарищей определял, кого из известных ему людей и за что он считает наиболее выдающимися; в числе трех таких лиц он поставил Стефановича (кроме Д. А. Клеменца и своего итальянского друга Малатеста).

После поездки Стефановича в Париж, о которой я сообщил в начале этого очерка, г. В. Плеханов, при нашей с ним встрече в Женеве, сказал мне и В. И. Засулич, что «Дмитро», при его замечательном уме, мог бы сыграть одну из наиболее выдающихся ролей в революционном движении, интересуйся он теоретическими вопросами, отдавайся умственным занятиям. Так отзывался о нем Георгий Валентинович в то самое время, когда не соглашался с его предложением «соединиться во что бы то ни стало с народовольцами, хотя и поторговавшись»¹⁾. Тогда же Плеханов сообщил, что и на Лаврова, с которым Стефанович свиделся в то лето впервые, своим умом, тактом и выдержкой он произвел наилучшее впечатление. Упомяну, наконец, об отзыве о Стефановиче иностранца, проф. Туна, хорошо, как известно, изучившего наше революционное движение: по его мнению Стефанович, с деятельностью которого он, конечно, был совершенно не согласен, являлся, наряду с Желябовым и Ал. Михайловым, *самым выдающимся участником* нашего революционного движения 70-х г.г.

Такое же, повидимому, мнение составил себе о нем очень неглупый и в ту пору прикидывавшийся «либералом» Плеве: по сообщению Татьяны Лебедевой он однажды сказал ей, что самыми умными из всех известных ему революционеров он считает Клеменца, Натансона и Стефановича.

Как и все в те времена прокуроры, жандармы и директора департамента, Плеве также любил вступать в общие беседы с арестованными, особенно с выдающимися, приобретшими известность, от чего, за крайне редкими исключениями, последние, насколько мне известно, не отказыва-

¹⁾ См. письмо его к Лаврову от 31 октября 1881 г.

лись. То же произошло при аресте Стефановича. Однажды, во время допроса, Плеве сказал ему, что мин. вн. дел гр. Игнатъев очень заинтересован затеянной им среди сектантов агитацией, почему просил передать Стефановичу, что желает поговорить с ним в качестве частного лица.

За гр. Игнатъевым, бывшим, как известно, в течение многих лет перед тем русским послом в Турции, установилась тогда репутация, если не «либерала», то и не реакционера-мракобеса, каким являлся вскоре затем сменивший его на министерском посту гр. Д. А. Толстой. Н. П. Игнатъев, правда, слыл за человека хитрого, пронырливого, но вместе с тем старающегося всех ублажить и умиротворить. Поэтому, несмотря на категорическое заявление Александра III при его вступлении на престол, что он «не изменит заветам своих предков», все же многие не теряли надежды, что хитрому дипломату, искусившемуся на востоке в общении с деспотами, удастся склонить нового царя к тому, чтобы он созвал что-нибудь вроде «Земского Собора». Приняв все это во внимание, к тому же ввиду однообразия одиночного заключения, Стефанович ответил согласием на предложение гр. Игнатъева.

Встреча его с последним состоялась в кабинете Плеве, но не помню, в его ли присутствии или без него. Гр. Игнатъев, действительно, держал себя как частное лицо, ни единым словом и движением не обнаружив, что он всемогущий мин. вн. дел.

Он прямо заявил Стефановичу, что затеянной им среди сектантов агитации придает очень серьезное значение ввиду огромной роли, которую раскольники всегда играли в крупных народных бунтах — Стеньки Разина, Пугачова и др. При господствовавшем тогда в стране сильном возбуждении, вызванном убийством царя, он видел большую опасность для спокойствия ее в привлечении революционерами на свою сторону сектантов. Как патриот, к тому же мин. вн. дел, он, понятно, желает, чтобы Россия избегла смут и волнений, которые могут принести ей много бедствий и несчастий. Ввиду этого он попросил Стефановича, очевидно, знакомого с настроением сектантов, сообщить ему, чем они недовольны и какими мерами можно, по его мнению, достигнуть их успокоения.

Просто, спокойно, но как всегда убедительно, Стефанович изложил то, что ему было известно о положении сектантов, в чем немало помогло ему непосредственное его знакомство со штундистами, среди которых он в 1874 г. агитировал. Перейдя к указанию мер для удовлетворения сектантов, он остановился на оценке самодержавного строя и закончил указанием на неизбежность изменения господствовавшего режима, т. е. введения всяких свобод.

Едва ли много нового почерпнул гр. Игнатъев из этой беседы, но давно известно, что «тон делает музыку», а Стефанович всегда говорил таким убедительным тоном, что его собеседник в большинстве случаев сдавался на его доводы.

На-ряду с В. И. Засулич и А. И. Зунделевичем, он принадлежал к самым скромным из всех известных мне революционеров: Стефанович не только никогда не преувеличивал, но, наоборот, всегда умалял свои способности, свои успехи, роль и пр. Я, поэтому, уверен, что любой беспристрастный слушатель его рассказа о встрече с министром Игнатъевым вынес бы впечатление, что он был вполне правдив и искренен, что все им мне сообщенное не было преувеличено, тем более я, знавший его до тонкости, не мог ему не верить. Его рассказ произвел на меня сильнейшее впечатление: помню, несмотря на холод, я временами привскакивал, восклицая: «Как жалко, что невозможно опубликовать этой интересной беседы царского министра с заключенным!».

Не раз впоследствии я очень жалел, что не записал тотчас этого рассказа, так как по прошествии сорока лет я многое забыл, а потому моя теперь передача бледна и далека от изложения Стефановича.

Плеве затем сообщил ему, что на Игнатъева он произвел чрезвычайно благоприятное впечатление. Будь, поэтому, Стефанович таким, каким, много лет спустя, теперь вздумали изобразить его некоторые злобствующие народолюбцы, пожелай он купить облегчение своей участи путем каких-то будто бы «делок», «соглашений» с Плеве, он мог бы, конечно, куда с ббльшей выгодой использовать это свое свидание со всемогущим тогда министром внутр. дел. Однако даже самый усердный и злорадный его обвинитель не мог до сих пор извлечь из архива бывш. департамента полиции никаких уличающих его документов.

— А его записка об эмигрантах? — вероятно, воскликнут некоторые глубокомысленные читатели. Как известно, по ее поводу злобствующие хулители-человеконенавистники подняли года три тому назад невероятную шумиху. Из помещаемого мною ниже полного текста этого «уличающего» Стефановича документа беспристрастный читатель, надеюсь, убедится, что только лица, заранее задавшиеся целью обвинить его в самых тяжких для политического деятеля преступлениях, могут почерпнуть там доказательства.

* *
*

На этом пока закончу, заранее признав, что я далеко не исчерпал темы, но приводимые мною ниже комментарии к записке Стефановича, затем мой ответ народолюбцам и некоторые письма Зунделевича и Степняка, а также наша с ним переписка, мне кажется, в значительной степени дополнят настоящий очерк. На основании всего этого материала желающий разобраться честный читатель, надеюсь, сможет решить, правы ли обвинители Стефановича или мы, близко его знающие лица, когда заявляем, что *Стефанович сознательно не совершил никакого преступного акта* ¹⁾.

¹⁾ Ввиду вполне естественного недоумения некоторых читателей, почему, лишь пять-шесть лет спустя после опубликования тяжких обвинений против моего друга, я впервые теперь выступаю со своими опровержениями, должен сказать, что это произошло не по моей вине, а *благодаря редактору «Былого».*

Вслед за заметкой В. И. Засулч — «Правдивый исследователь старины», появившейся в № 13 этого журнала за 1918 год, я осенью того же года передал П. Щеголеву настоящий мой очерк, написанный в несколько более мягких выражениях. Одобрив его и выдав мне аванс, он обещал поместить его в ближайшей книжке. Но, продержав очерк *около двух лет*, редактор вернул его мне весной 1920 года обратно под тем предлогом, что найденная в это время записка Стефановича об эмигрантах, будто бы, осветила ему личность последнего «с крайне неблагоприятной стороны». Признаюсь, меня не в малой степени удивил такой ригоризм, строгость со стороны этого литературных дел мастера.

Получив обратно после столь долгой задержки рукопись, я уже не мог найти другого журнала, который согласился бы уделить довольно значительное место возражениям, вызванным не у него появившейся статьей, и только теперь мне представляется возможность это сделать.

Беспристрастный читатель, полагаю, оценит по достоинству поведение названного редактора, поместившего нападки на умершего и отказавшегося напечатать возражения на них его ближайшего друга.